

Э. Ренан

**Собрание сочинений Эрнеста
Ренана**

Том 10-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Э1

Э1 **Э. Ренан**
Собрание сочинений Эрнеста Ренана: Том 10-12 / Э. Ренан – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 678 с.

ISBN 978-5-458-16975-2

В двенадцати томах. С портретом автора и очерком его жизни и деятельности. Перевод с французского под редакцией В. Н. Михайлова.

ISBN 978-5-458-16975-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Въ Бретани одной изъ самыхъ распространенныхъ легендъ является сказаніе о воображаемомъ городѣ Исѣ, который въ незапамятное время былъ, какъ говорятъ, поглощенъ моремъ. Вамъ укажутъ здѣсь или тамъ у побережья то мѣсто, гдѣ былъ расположенъ этотъ сказочный городъ, а отъ рыбаковъ вы услышите не мало причудливыхъ разсказовъ по этому поводу. Когда бушуетъ буря,—увѣряютъ они,—изъ-за вздымающихся волнъ показываются верхушки церковныхъ башенъ; въ тихую-же погоду изъ пучины моря доносятся звуки колоколовъ—перезвонъ церковнаго гимна. Часто мнѣ кажется, что въ глубинѣ моего сердца живетъ далекій городъ Исѣ и все зоветъ онъ своими колоколами вѣрныхъ къ священной службѣ, но они ничего не слышатъ. Порою я останавливаюсь, чтобы внимательнѣе прислушаться къ этимъ трепетнымъ звукамъ, которые несутся словно изъ неизмѣримой глубины, какъ будто это голоса изъ иного міра. Особенно теперь, когда подходитъ моя старость, во время лѣтнаго отдыха, я люблю прислушиваться къ этому отдаленному шуму исчезнувшей съ лица земли Атлантиды.

Вотъ каково происхожденіе шести отрывковъ, составившихъ настоящую книжку. Воспоминанія дѣтства и юности не претендуютъ дать связный и цѣльный разсказъ. Это лишь рядъ образовъ, почти безъ всякаго порядка являвшихся предо мною, и размышленій, приходившихъ мнѣ на умъ въ то время, когда я вызывалъ въ памяти далекое прошлое за пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Своимъ Воспоминаніямъ Гете далъ названіе „Правда и Поэзія“, показывая этимъ, что нельзя составить своей собственной біографіи такъ же, какъ составляютъ біографію другихъ. Все, что говорится о себѣ, всегда является поэзіей. Воображать, что малѣйшія подробности собственной жизни стоятъ того, чтобы быть записанными, это значитъ явно показывать свое мелочное тщеславіе. О подобныхъ вещахъ пишутъ лишь съ цѣлью высказать свое личное міропониманіе. Форма Воспоминаній мнѣ казалась удобной для того, чтобы передать нѣкоторые оттѣнки моихъ мыслей, оставшіеся нѣсколько неясными въ другихъ моихъ сочиненіяхъ. Я нисколько не желалъ снабжать заранее справками тѣхъ лицъ, которые впоследствии будутъ писать обо мнѣ замѣтки или статьи.

То, что въ историческомъ сочиненіи является достоинствомъ, здѣсь было бы недостаткомъ; все правдиво въ этой книжкѣ, но здѣсь нѣтъ тѣхъ жизненныхъ подробностей, которые необходимы, напримѣръ, во Всеобщей біографической Библіотекѣ; многія вещи помѣщены ради шутки; если бы это было принято, я не разъ выписывалъ-бы на поляхъ: *сunt ergo salis*. Простая сдержанность заставляла меня кое-что опускать. Многія лица, о которыхъ я упоминаю, могутъ еще находиться въ живыхъ, а между тѣмъ люди, не привыкшіе къ публичности, питаютъ къ ней какую-то боязнь. Я измѣнилъ поэтому нѣкоторыя собственныя имена. Иногда, нѣсколько нарушая порядокъ времени и мѣста, я старался устранить заранѣе тѣ отождествленія, которыя могли бы сдѣлать въ иныхъ случаяхъ. Исторія „Трепальщика льна“ произошла такъ, какъ я ее рассказалъ. Я выдумалъ лишь названіе замка. Что касается разсказа о „чудакѣ-Системѣ“, то я долженъ замѣтить здѣсь, что я получилъ отъ г. Дюпорталя нѣкоторыя новыя подробности, которыя не подтверждаютъ предположеній, высказанныхъ моею матерью относительно таинственнаго поведенія стараго отшельника. Тѣмъ не менѣе я ничего не измѣнилъ въ своемъ разсказѣ, полагая, что г. Дюпорталю удобнѣе всего самому возстановить всю правду объ этой оригинальной личности.

Эта книжка не имѣетъ ни малѣйшей претензіи быть настоящими мемуарами; но даже и въ послѣднемъ случаѣ я нашелъ-бы вполне извинительными тѣ пробѣлы, которые въ ней находятся. Личность, которая оказала наибольшее влияние на мою жизнь,—моя сестра Генріетта,—здѣсь почти не упоминается¹⁾. Въ сентябрѣ 1862 г., спустя годъ послѣ смерти моей дорогой подруги, я написалъ для небольшого кружка лицъ, знавшихъ ее, книжку, посвященную ей памяти. Было отпечатано всего лишь сто экземпляровъ. Моя покойная сестра отличалась такой скромностью, чувствовала такое отвращеніе ко всякому мірскому шуму, что образъ ея явился бы предо мною въ видѣ живого упрека, если-бы я согласился отдать эти страницы на распоряженіе публикѣ. Иногда мнѣ приходила въ голову мысль присоединить воспоминаніе о ней къ настоящей книжкѣ. Но потомъ я подумалъ, что это будетъ своего рода профанаціей ея памяти; воспоминаніе о моей сестрѣ прочитали съ искреннимъ чувствомъ нѣкоторыя лица, которыя относились съ любовью къ ней и ко мнѣ. Я не могу отдать святое для меня воспоминаніе на грубый судъ, на который какъ-бы пріобрѣтается право при покупкѣ книги. Мнѣ казалось,

¹⁾ Въ тотъ самый день, когда я дописывалъ послѣднюю страницу этого предисловія, извѣстіе о смерти брата разбило послѣднее звено, которое связывало меня съ воспоминаніями объ отеческомъ кровѣ. Мой братъ Аллемъ всегда былъ для меня добрымъ и вѣрнымъ другомъ; онъ понималъ, цѣнилъ и любилъ меня. Его ясный, положительный умъ и замѣчательная способность къ усидчивой работѣ предназначали его къ одной изъ тѣхъ профессій, гдѣ необходимо примѣненіе математическихъ наукъ, или къ административной дѣятельности. Наши семейныя несчастія заставили его пойти по иному пути; ему пришлось пережить много тяжелыхъ испытаній, но ни на одно мгновеніе ему не измѣнило мужество. Онъ никогда не сѣтовалъ на свою жизнь, хотя жизнь оставила ему на долю, быть можетъ лишь одну награду,—ту, которую даютъ высокія умственные наслажденія. Но на свѣтѣ нѣтъ выше этой награды.

что помѣщая эти воспоминанія въ книгѣ, предназначенной для продажи, я поступилъ бы такъ-же дурно, какъ если-бы выставилъ ея портретъ въ аукціонномъ залѣ. Эта книжка будетъ вновь напечатана лишь послѣ моей смерти. Быть можетъ, къ ней присоединять еще нѣкоторые изъ писемъ моей подруги. Я самъ заранѣе сдѣлаю изъ нихъ выборъ.

Естественно, что отдѣльныя части этой книжки, являющіяся рассказами о различныхъ эпохахъ моей жизни, представляютъ между собою извѣстный контрастъ: съ одной стороны, рассказы о Бретани, съ другой — воспоминанія о жизни въ семинаріи. Эти послѣднія рисуютъ предъ нами картину мрачной борьбы, полной разсудочности и безотрадной схоластики, между тѣмъ какъ мои раннія воспоминанія — это впечатлѣнія чистаго дѣтскаго сердца, которое дышетъ невинностью и любовью. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Мы всѣ почти двойственны по своей природѣ. Чѣмъ больше человѣкъ погружается въ чисто-головную работу, тѣмъ живѣе въ немъ стремленіе къ противоположному полюсу; мы невольно начинаемъ грезить о сверхчужденномъ, объ успокоеніи въ полномъ незнаніи міра, о женщинѣ, которая является лишь женщиной, о наивномъ существѣ, которое дѣйствуетъ лишь въ силу импульса со стороны полу-усыпленнаго сознанія. Эта суровая разсудочная школа, которой проникся европейскій умъ со времени Абельяра, вызываетъ моменты сухости, часы безотрадной душевной тоски. Мозгъ изнемогаетъ подъ томительнымъ знаніемъ разсудочности и жаждетъ простыхъ чувствъ, какъ раскаленная пустыня жаждетъ чистой влаги. Глубокія размышленія приводятъ насъ къ послѣдней ступени сомнѣнія, но живое сознаніе добра и красоты, которое таится въ женской душѣ, преисполняетъ насъ восторгомъ и рѣзко, неожиданно разрѣшаетъ мучительный вопросъ. Вотъ почему религію въ мірѣ поддерживаютъ однѣ лишь женщины. Женщина, прекрасная и добродѣтельная, является миражемъ, который наполняетъ свѣтлыми озерами и тѣнистыми аллеями нашу великую нравственную пустыню. Превосходство современной науки состоитъ именно въ томъ, что каждый успѣхъ ея является новой ступенью въ области абстракціи. Изъ химіи создается новая химія, изъ алгебры выдѣляется новая алгебра; мы все больше и больше удаляемся отъ природы, желая познать ее. Прекрасно! — въ этомъ залогъ успѣха: жизнь тамъ въ послѣднемъ ударѣ анатомическаго ножа. Но не стоитъ удивляться, если лихорадочный жаръ, вызванный этой діалектической оргіей, можетъ успокоить лишь сладкій поцѣлуй невиннаго существа, въ которомъ съ улыбкой отражается жизнь. Женщина ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ вѣчнымъ источникомъ, гдѣ таится Божество. Душевная непорочность молодой дѣвушки, которая и не подозреваетъ о своей красотѣ, для которой Богъ такъ-же ясенъ, какъ день, — есть великое проявленіе идеала, подобно тому какъ безсознательное кокетство распускающагося цвѣтка является указаніемъ на то, что природа надѣваетъ свой лучшій нарядъ, ожидая супруга.

Нужно писать всегда только то, что любишь. Молчаніе и забвеніе являются возмездіемъ за все прошлое, некрасивое, что пришлось

намъ встрѣтить на жизненномъ пути. Говоря о своемъ прошломъ, которое такъ дорого для меня, я говорю о немъ съ чувствомъ любви; мнѣ не хотѣлось бы, чтобы возникало по этому поводу нѣкоторое недоразумѣніе,—иные, пожалуй, сочтутъ меня за реакціонера. Я люблю прошедшее, но всѣми мыслями своими стремлюсь къ будущему. Завидно прожить на землѣ въ возможно болѣе отдаленное отъ насъ время. Декартъ пришелъ бы въ неописанный восторгъ, если-бы ему суждено было прочесть какой-нибудь убогий учебникъ по современной физикѣ или космографіи. Самый скромный ученикъ въ наше время знаетъ такіа истины, изъ-за которыхъ Архимедъ пожертвовалъ бы своею жизнью. Чего-бы мы не дали, лишь-бы однимъ глазкомъ заглянуть въ ту книжку, которая въ будущемъ столѣтіи будетъ служить руководствомъ въ нашихъ начальныхъ школахъ!

Не слѣдуетъ изъ-за своихъ личныхъ вкусовъ, а, можетъ быть, и предубѣжденій, огорчаться тѣмъ, что происходитъ въ наше время. Таково положеніе вещей и, вѣроятно, этому есть разумная причина. Прогрессъ міра приближается къ американизму, тому общественному строю, который, быть можетъ, оскорбляетъ наши утонченные вкусы, но который, въ болѣе спокойную эпоху, будетъ не хуже стараго режима, если имѣть въ виду свободное развитіе человѣческаго ума, что самое важное. Конечно, намъ не можетъ нравиться такое общество, гдѣ личное благородство почти не цѣнится, гдѣ таланты и умъ не нуждаются въ официальном признаніи, гдѣ высокій постъ не облагораживаетъ человѣка, гдѣ политика становится удѣломъ неудачниковъ и людей низшаго класса, гдѣ награду получаютъ лишь тѣ, кто прибѣгаетъ къ интригѣ, пошлости, шарлатанству, къ уловкамъ, которыя искусно обходятъ законъ... Мы привыкли къ болѣе покровительственной системѣ, всегда смотря на правительство, какъ на естественнаго защитника всего чистаго и благороднаго. Но сколькими униженіями заплатили мы за это покровительство! Ришелье и Людовикъ XIV считали своимъ нравственнымъ долгомъ оказывать матеріальную поддержку заслуженнымъ людямъ всего міра; о, гораздо лучше было бы, если-бы они оставили въ покоѣ талантливыхъ людей и перестали бы и кормить ихъ, и преслѣдовать! Время Реставраціи считается либеральной эпохой, но нѣтъ, мы не хотѣли бы жить подъ давленіемъ того режима, который извратилъ гений Кювье, склонилъ къ жаждимъ, безнадлежаимъ компромиссамъ живой умъ Кузена и задержалъ критику на полъ столѣтія. Тѣ уступки, которыя необходимо было дѣлать королевскому двору, обществу, духовенству, гораздо хуже маленькихъ неудобствъ, которыя, быть можетъ, принесетъ съ собою демократія.

Время Іюльской монархіи было, несомнѣнно, эпохой свободы; но въ официальныхъ сферахъ придерживались слишкомъ узкихъ взглядовъ на жизнь духовную, едва-ли въ этомъ отношеніи стоя выше пошлой буржуазіи. Что касается Второй Имперіи, то не слѣдуетъ забывать, что, если послѣднее десятилѣтіе и поправило нѣсколько то зло, которое было сдѣлано въ первые восемь лѣтъ, во всякомъ случаѣ надо помнить, какъ было искусно это правительство, когда

дѣло шло о подавленіи свободной мысли, и какъ оно было ничтожно, когда нужно было содѣйствовать ея прогрессу. Теперь—мрачныя времена, и въ близкомъ будущемъ я не жду ничего хорошаго. Наша бѣдная страна находится ежеминутно подъ угрозой разрыва аневризмы, а весь организмъ Европы пораженъ какой-то тяжелой болѣзью. Но вспомнимъ о своихъ прошлыхъ страданіяхъ,—въ этомъ наше утѣшеніе. Слишкомъ ужъ мрачно должно быть наше будущее, чтобы мы не могли сказать:

O passi graviora, dabit Deus his quoque finem ¹⁾.

Цѣлью міра является духовное развитіе человѣчества, а первымъ условіемъ этого развитія надо безусловно признать свободу. Съ этой точки зрѣнія самый дурной общественный строй—это теократическое государство, какимъ нѣкогда являлся исламизмъ и старое папство, гдѣ догматы имѣли первенствующее и безусловное значеніе. Страны съ одной исключительной государственной религіей, какъ Испанія, не далеко ушли отъ подобныхъ государствъ, а въ тѣхъ странахъ, гдѣ признается религія большинства, также возникаютъ большія затрудненія. Во имя дѣйствительной или воображаемой вѣры большинства государство считаетъ необходимымъ предъиявлять къ свободной мысли такія требованія, съ которыми она не можетъ согласиться. Вѣрованіе или воззрѣніе однихъ не должно являться цѣлью для другихъ. Пока существовали вѣрующія массы,—воззрѣнія, раздѣляемыя на пространства почти всего государства,—свобода изслѣдованія и критика были немислимы. Колоссальный гнетъ всеобщаго отупѣнія поработилъ совершенно человѣческую мысль. Страшная эпоха средневѣковья, этотъ тысячелѣтній перерывъ исторіи цивилизации, своимъ возникновеніемъ обязана не варварамъ, а, скорѣе, торжеству догматическаго духа среди народныхъ массъ.

Этотъ строй доживаетъ свой вѣкъ въ наше время; нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ обществѣ чувствуется извѣстное потрясеніе. Уже нѣтъ больше вѣрующихъ массъ; громадное большинство народа не признаетъ сверхъестественныхъ явленій, и близокъ тотъ день, когда вѣрованія подобнаго рода исчезнутъ совершенно наравнѣ съ вѣрованіями въ домовыхъ и выходцевъ съ того свѣта. Если даже намъ суждено пережить кратковременную католическую реакцію, что кажется весьма вѣроятнымъ, во всякомъ случаѣ ясно, что народъ не вернется больше къ католицизму. Въ наше время религія стала дѣломъ личной склонности. Вѣрованія опасны лишь тогда, когда они являются какъ нѣчто всеобщее, какъ убѣжденіе непогрѣшимаго большинства. Но, сдѣлавшись индивидуальными, они становятся самой законной вещью въ мірѣ, и намъ лишь остается оказывать имъ извѣстное уваженіе, которое они не всегда получали со стороны своихъ противниковъ въ то время, когда имѣли на своей сторонѣ силу.

Само собою разумѣется, потребуется время, пока эта свобода, являющаяся, несомнѣнно, цѣлью человѣческаго общества, получить у насъ ту организацію, какую она имѣетъ въ Америкѣ.

¹⁾ Вы перенесли гораздо большія страданія! и теперь Господь положитъ конецъ и новому горю...

Французская демократія должна проникнуться принципами истинной свободы, чтобы быть дѣйствительно либеральнымъ строемъ. Прежде всего намъ необходимы законы объ ассоціаціяхъ, благотворительныя учрежденія, право свободнаго завѣщанія,—все то, чѣмъ въ настоящее время обладаютъ Америка и Англія. Положимъ, что усилія увѣнчались успѣхомъ (если эта побѣда является утопіей для Франціи, она не есть утопія для Европы, гдѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проникаются духомъ англійской свободы); говоря по правдѣ, не стоитъ жалѣть о томъ покровительствѣ, которое старый строй оказывалъ пороку мыслителямъ. Я думаю, что послѣ полнаго торжества демократическихъ идей, наука и научное воспитаніе перестанутъ приносить такіе скромные плоды. Старая эпоха уйдетъ отъ насъ безвозвратно. Свободная научная организація общества можетъ успѣшно замѣнить государственныя академіи; если, быть можетъ, мы и проиграемъ съ нѣкоторой стороны, во всякомъ случаѣ мы вполне будемъ вознаграждены тѣмъ, что ради предубѣжденія мнимаго большинства не надо будетъ дѣлать тѣхъ уступокъ, которыя государство требовало взаменъ своихъ подачекъ. Въ государственныхъ учрежденіяхъ сила затрачивается страшно непроизводительно. Можно сказать, что любая статья бюджета въ пользу науки, искусства, литературы въ дѣйствительности оказываетъ пользу лишь наполовину. Частныя учрежденія въ этомъ отношеніи были бы болѣе производительны. Конечно, рядомъ съ истинной наукой при подобномъ социальномъ строѣ могутъ развиваться шарлатанскія знанія, которыя будутъ пользоваться тѣми-же правами; не будетъ болѣе оффиціальнаго критеріума, который до нѣкоторой степени еще признается въ наши дни для различенія истинной науки отъ ложной. Но этотъ критеріумъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе сомнительнымъ. Разумъ долженъ склоняться предъ необходимостью получать признаніе со стороны людей грубыхъ и надменныхъ. Еще долго публика будетъ рукоплескать ложнымъ идеямъ. Но правда могуча, когда ей дана свобода; одна правда живетъ, а все ложное безпрестанно мѣняется и погибаетъ. Бываютъ эпохи, когда истина воспринята лишь незначительнымъ кружкомъ людей, но проходитъ время и она выясняется неизбежно: побѣда всегда остается за нею.

Въ общемъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что новый социальный строй въ духѣ американской демократіи, тотъ строй, къ которому мы все болѣе и болѣе приближаемся независимо отъ формъ государственнаго управленія,—не будетъ тягостнѣе для мыслителей, чѣмъ старые, болѣе устойчивыя формы государственной жизни. Въ этомъ мірѣ можно будетъ создать для себя спокойный уголокъ. „Эпоха посредственности приближается“,—писалъ недавно одинъ выдающійся мыслитель ¹⁾:—„она замѣтна во всемъ. Равенство порождаетъ полнѣйшее однообразіе; отъ дурного освобождаются, жертвуя всѣмъ прекраснымъ, талантливымъ, оригинальнымъ. Грубыя формы исчезаютъ, но зато все становится вульгарнѣе.“ По крайней мѣрѣ, будемъ надѣяться, что вуль-

¹⁾ Амьель, проф. Женевского университета.

гарность не станетъ гонительницей свободной мысли. Въ блестящую эпоху ХІІІ столѣтія Декартъ нигдѣ не могъ чувствовать себя столь спокойно, какъ въ Амстердамѣ: никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія; „здѣсь всѣ погружены въ свои торговыя дѣла“,—какъ сознавался онъ самъ. Быть можетъ, эта общая вульгарность станетъ залогомъ счастья для не большого кружка избранныхъ. Американская демократія не сожгла бы на кострѣ Джордано Бруно и не стала-бы преслѣдовать Галилея. Мы не имѣемъ права быть слишкомъ требовательными. Въ самыя свѣтлыя эпохи прошлаго мы были лишь терпимы. Но во всякомъ случаѣ мы добьемся этой терпимости въ будущемъ. Конечно, узкая демократія очень обидчива. Но вѣдь живутъ же мыслители въ Америкѣ; необходимо лишь одно условіе: не быть слишкомъ взыскательнымъ. *Noli me tangere*¹⁾—вотъ все, чего можно требовать отъ демократіи. Намъ еще суждено пережить времена анархій, времена деспотизма, пока, наконецъ, мы обрѣтемъ покой въ этой золотой срединѣ. Свобода походить на истину; почти никто не любитъ ее ради ея самой, и, однако, къ ней возвращаются безпрестанно, потому что крайности никогда не могутъ длиться долго.

Поэтому предоставимъ судьбу земли ея неизбѣжному теченію. Зачѣмъ бесполезно волноваться? Наши вопли не помогутъ, наша обидчивость совершенно неумѣстна. Неизвѣстно, какова судьба нашей планеты и завершилась ли она, какъ это, вѣроятно, уже случилось съ мірадами другихъ міровъ; очень возможно, что въ будущемъ наша эпоха будетъ считаться кульминаціоннымъ пунктомъ развитія человѣчества, достигнувъ котораго, оно начало клониться къ упадку; но вселенной чуждо уныніе; она съ новой энергіей продолжаетъ свои неудачныя попытки; послѣ каждаго пораженія она становится моложе, искуснѣе, убѣжденнѣе въ своихъ завѣтныхъ грезахъ. Смѣлѣе, природа, впередъ и впередъ! Какъ морская звѣзда въ глубинѣ безмѣрнаго Океана,—какъ это слѣпое, глухое существо,—продолжай упорно свой безвѣстный жизненный трудъ; упрямо иди къ своей цѣли; въ миллионный разъ завязывай узелъ разорванной сѣти, направляй вновь и вновь свой буравъ въ нѣдра земли, пока, наконецъ, изъ глубины не брызнетъ фонтаномъ ключевая вода. Вновь и вновь направляйся къ своей завѣтной цѣли, достигнуть которой ты не успѣла со дня творенія; пытайся пробиться сквозь узкій путь ущелья, который ведетъ къ инымъ небесамъ. Въ твоемъ распоряженіи безконечное пространство и безконечное время. Имѣя право безнаказанно совершать ошибки, можно всегда быть увѣреннымъ въ успѣхѣ.

Счастливы тѣ, которые будутъ сотрудниками этой побѣды: это великое торжество будетъ настоящимъ явленіемъ Бога на землѣ! Потерянный рай всегда можетъ стать для насъ возвращеннымъ раемъ. Хотя Адамъ не разъ съ грустью вспоминалъ объ Эдемѣ, но если онъ прожилъ, какъ гласитъ преданіе, девяностъ тридцать лѣтъ послѣ своего паденія, онъ, конечно, не разъ во-

¹⁾ Не тревожь меня.

склицалъ: *Felix culpa!* Что-бы тамъ ни говорили, а истина всегда дороже самообмана. Никогда не слѣдуетъ жалѣть, что намъ пришлось сознать свои ошибки. Стремясь увеличить сокровище истины,—этотъ трудовой капиталъ человечества,—мы будемъ преемниками своихъ благочестивыхъ предковъ, которые любили добро и правду въ той формѣ, какая имъ была доступна въ ихъ время. Самое печальное заблужденіе—это думать, что мы оказываемъ пользу отечеству, позоря тѣхъ, которые его создали. Столѣтія въ исторіи народа—это листы одной и той-же книги. Настоящими дѣятелями прогресса будутъ тѣ, которые считаютъ своимъ долгомъ относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ прошлому. Все, что мы дѣлаемъ, все, что мы есть сами,—это прямой результатъ вѣковой работы. Никогда я не чувствую себя столь убѣжденнымъ въ моей либеральной вѣрѣ, какъ въ тѣ минуты, когда я вспоминаю о чудесахъ старинной вѣры; никогда я не чувствую себя столь способнымъ работать горячо для будущаго, какъ въ тѣ долгіе часы, когда я прислушиваюсь къ отдаленному звону колоколовъ города Иса.

(1883).

Трепальщикъ льна.

I.

Моя родина Трегье—старинный монастырь, основанный въ концѣ V вѣка святымъ Тюдвалемъ или Тюалемъ, однимъ изъ религіозныхъ предводителей тѣхъ великихъ переселеній, которыя внесли на армориканскій полуостровъ имя, расу и религіозныя учрежденія Бретани. Сильное монашеское направленіе было главной чертой этого бретонскаго христіанства. Тамъ не было епископовъ,—по крайней мѣрѣ, между эмигрантами. Первой заботой ихъ, послѣ высадки на гостепріимный полуостровъ, сѣверная часть котораго была очень мало населена, было основать большіе монастыри, настоятели которыхъ были бы проповѣдниками окрестныхъ жителей. Вокругъ монастыря, на одну или двѣ мили кругомъ, простирался священный округъ, называемый „миниги“ (minihi), который пользовался самыми драгоцѣнными преимуществами.

Монастыри назывались по бретонски „п аб ю“ (рабу), отъ имени монаховъ (рарае). Такимъ образомъ Трегьерскій монастырь назывался П аб ю-Тю аль. Онъ сдѣлался религіознымъ центромъ всей сѣверной части полуострова. Такіе же монастыри въ Сень-Поль-де-Леонѣ, въ Сень-Бріекѣ, въ Сень-Мало, въ Сень-Самсонѣ близъ Доля, играли на всемъ протяженіи такого же рода роль. Они имѣли, если можно такъ выразиться, свою епархію. Въ этихъ странахъ, отдѣленныхъ отъ остальныхъ христіанскихъ народовъ, совершенно не знали о могуществѣ Рима и о религіозныхъ учрежденіяхъ западнаго міра, въ частности галло-романскихъ городовъ Ренна и Нанта, расположенныхъ возлѣ нихъ.

Когда Номеноз, въ IX вѣкѣ, организовалъ въ первый разъ нѣсколько болѣе правильнымъ образомъ это полу-дикое общество эмигрантовъ и создалъ Бретонское герцогство, присоединивъ къ странѣ, гдѣ говорили по бретонски, бретонскую Марку, основанную Каролингами, чтобы обуздать западныхъ грабителей, онъ созналъ необходимость дать своему герцогству такую же религіозную организацію, какая существовала у остальныхъ міра. Онъ хотѣлъ, чтобы сѣверное побережье имѣло епископовъ, какъ округи Реннскій, Нантскій и Ваннскій. Для этого онъ переименовалъ въ епископства большіе монастыри Сень-Поль-де-Леонъ, Трегье, Сень-Бріекъ, Сень-Мало, Доля. Ему

также очень хотѣлось имѣть архіепископа, чтобы создать такимъ образомъ, особую церковную область. Всѣ благочестивыя мошенничества были употреблены на то, чтобы доказать, что святой Симонъ былъ митрополитомъ; но кадры всемірной церкви слишкомъ хорошо были составлены для того, чтобы могло удасться такое незаконное дѣло, и новыя епископства принуждены были причислить себя къ самой близкой галло-романской провинціи; это была провинція Туръ.

Правильное пониманіе исторіи этого явленія со временемъ утратилось. Благодаря найденнымъ, какъ говорятъ, на старинныхъ церковныхъ оконницахъ, именамъ Па б ю - Тю а л ь, Па п а - Тю а л ь рѣшили, что святой Тюдваль былъ папой. Рѣшили все очень просто. Святой Тюдваль поѣхалъ путешествовать въ Римъ; это былъ такой примѣрный священно-служитель, что кардиналы, естественно, познакомившись съ нимъ, выбрали его на вакантное мѣсто папы. Такія вещи случаются очень часто... Благочестивые люди изъ города Трегье очень гордились папствомъ своего святого покровителя. Менѣе ревностныя духовныя лица признавали все-таки, что трудно найти въ папскихъ спискахъ того папу, который до своего избранія назывался Тюдвалемъ.

Вокругъ монастыря, естественно, возникъ городокъ; но свѣтскій городъ, поводомъ къ существованію котораго послужила церковь, совсѣмъ не развивался. Портъ остался малозначущимъ; въ немъ не образовалось зажиточнаго населенія. Къ концу XIII столѣтія былъ воздвигнутъ замѣчательный соборъ; начиная съ XIV столѣтія монастыри начали размножаться. Цѣлыя улицы состояли изъ длинныхъ и высокихъ стѣнъ этихъ запертыхъ жилищъ. Епископскій и нѣсколько домовъ канониковъ были единственными домами, населенными гражданами. Подъ городомъ, при вѣздѣ въ главную улицу, по бокамъ которой подымались зданія съ башнями, лежало нѣсколько постоянныхъ дворовъ, предназначенныхъ для моряковъ.

Только за нѣсколько лѣтъ до Революціи основалось возлѣ епископства маленькое дворянство. Оно образовалось главнымъ образомъ изъ сосѣднихъ деревень. Въ Бретани было два очень различныхъ дворянства. Главой одного изъ нихъ былъ французскій король. Это дворянство показало какъ можно лучше недостатки и качества французскаго дворянства. Другое дворянство было кельтическаго происхожденія и оно-то именно и было бретонскимъ. Къ этому послѣднему принадлежали, начиная съ шестивія, начальники приходовъ, главари народа, будучи одной расы съ нимъ, получившіе по наслѣдству право стоять во главѣ его и быть его представителями. Нѣтъ ничего болѣе почтеннаго, чѣмъ деревенское дворянство, когда оно остается деревенскимъ, не думая объ интригахъ и о богатствѣ; но когда оно появлялось въ городахъ, оно теряло почти всѣ свои качества и очень мало способствовало умственному и нравственному воспитанію своей страны.

Для этого гнѣзда священниковъ и монаховъ Революція была, повидимому, смертнымъ приговоромъ. Послѣдній епископъ Трегье вышелъ однажды вечеромъ черезъ заднюю калитку, вы-